

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЁЛ ДЕТЕКТИВ РУССКИЙ...

Константин СИТНИКОВ.

Первый русский детектив написан за полвека до того, как появилась в печати серия рассказов Эдгара По («Убийства на улице Морг» (1841), «Тайна Мари Роже» (1842), «Похищенное письмо» (1844)), признанного основоположником детектива. Факт остался незамеченным не только современниками, но и потомками. Оно и понятно, ведь в конце XVIII века — а именно к тому времени относится публикация рассказа — в строгой иерархии литературных жанров, установленной классицизмом, не отводили места произведениям о сыщиках (хотя сам институт сыска на Руси существовал ещё со времён Алексея Михайловича Тишайшего и его Тайного приказа). Нишу авантюрной литературы в момент появления рассказа занимал «детектив наоборот» — плутовской роман о похождениях жуликов и прохиндеев. И лишь спустя десятилетия в России появились и завоевали огромную популярность уголовные, или полицейские, романы, беллетризованные «записки следователя», судебные очерки.

И всё же первым детективом можно считать полузабытый рассказ с неприятным названием «Горькая участь».

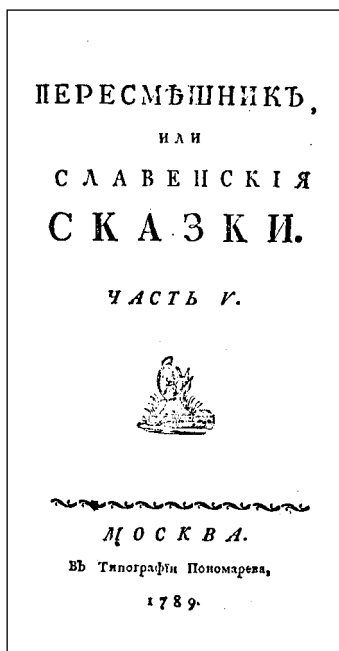
В. М. Васнецов. «Книжная лавочка». 1876 год.

В руках у меня старинный альманах, на титуле коего значится: «Пересмешник, или Славенския сказки. Часть V. Москва. В типографии Пономарёва, 1789». Его составитель — замечательный литератор и издатель второй половины XVIII века Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1793). В альманахе вошли известные и часто переиздаваемые впоследствии сатирические рассказы «Сказка о рождении тафтяной мушки», «Пряничная монета», «Драгоценная штука». Меньше повезло «Горькой участи». Широкому кругу читателей рассказ практически неизвестен. О нём не упоминает даже вышедшая в 2005 году в Мюнхене на английском языке коллективная монография «Чтение для развлечения в современной России». А ведь современное российское «чтиво», в том числе детективное, авторы монографии рассматривают именно в контексте его исторического развития.

Но взгляды сначала, на каком литературном фоне появился рассказ «Горькая участь».

Вплоть до падения царизма большим спросом в народе пользовалась литература про разбойников и сыщиков. Самым, пожалуй, известным произведением такого рода стала анонимная «автобиография» знаменитого московского вора и сыщика Ивана Осипова (1718 — после 1756) по кличке Ванька Каин с витиеватым, по моде того времени, названием: «Жизнь и похождения российского Картуша (кличка парижского разбойника Луи-Доминика Бургиньона (1693—1721). — Прим. авт.), именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу, но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году». Именно её положил в основу своего первого авантюрного романа Матвей Комаров, впоследствии автор бестселлера «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о брандбургской маркграфине Фридерике-Луизе...» (1782). Помните у Некрасова в «Кому на Руси жить хорошо»? «...И не милорда глупого — // Белинского и Гоголя // С базара понесёт...» Так вот это он и есть. Кстати, сам-то Виссарион Григорьевич именно за «милорда» называл Комарова «предоступнейшим в мире человеком», а Л. Н. Толстой — «самым знаменитым русским писателем». Уже в наше время о Ваньке Каине написано множество книг, рассказов и статей.

В таком же бойком ключе написан и популярный плутовской роман Чулкова

Титульный лист 5-й части «Пересмешника» М. Д. Чулкова, где впервые опубликован рассказ «Горькая участь».

Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1793) прославился не только как прозаик, сочинитель первого плутовского романа «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины», но и как журналист, издатель сатирических журналов «И то и сё», «Парнасский щепетильник», составитель «Словаря русских суеверий» (1782; переиздан в 1786 году под названием «Абевага русских суеверий»), этнографического «Собрания разных песен», семитомного «Исторического описания российской коммерции» и многих других произведений.

Титульный лист первого издания авантюрного романа М. Комарова «Обстоятельные и верные истории... Ваньки Каина...» (1779).

«Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины». Как и все «шедевры» подобного рода, он сделан на потребу публике, в основном купеческой.

Иное дело — «Горькая участь». Здесь другой, «правильный» взгляд на вещи, другая авторская позиция — позиция человека эпохи Просвещения.

Чем же примечателен небольшой, в четверть авторского листа, рассказ? Он повествует о горькой участи бедного крестьянина Сыся Фофанова, сына Дурносопова, несправедливо отданного в солдаты. Потеряв в бою руку, он возвращается домой и находит всех своих близких, включая

Иван Осипов (1718—?), он же Ванька Каин — герой авантюрного романа.

четырёхлетнего брата и трёхмесячную сестру, жестоко убитыми. Для расследования чудовищного преступления образована специальная комиссия в составе дьячка и сотского.

Завязка вполне детективная, не правда ли? Близки к классическому детективу и другие элементы рассказа. Автор подробно описывает место и обстоятельства преступления, словно бы давая читателю равный шанс разгадать тайну, с непередаваемой иронией повествует о тщетных потугах официального следствия установить истину, анализирует различные версии происшедшего и, наконец, даёт разгадку. Конечно, здесь мы не найдём ни классической проработки характеров, ни изощрённых логических построений, как у более поздних детективщиков, будь то Артур Конан Дойл (1859—1930), Агата Кристи (1890—1976) или Рекс Стаут (1886—1975). И всё же представляется необычайно интересным проследить все перипетии чулковского сюжета, особенно в их связи с социально-историческим фоном той эпохи — эпохи Екатерины Великой и Просвещения, прикоснуться к следственной «кухне» того времени. Для этого, прежде всего, попробуем точнее установить время действия рассказа, в чём нам помогут многочисленные реалии, упомянутые в тексте.

Дадим слово самому Чулкову.

«...съедути (богатые крестьяне, наживавшиеся на бедных. — Прим. авт.) за недостатком многова по сельскому быту у Сыся Дурносопова удумали отдать его за вотчину в солдаты, привезли в город, где «в скором времени представили его к рекрутскому приему. Примеря, сказали, мал ростом; а лекарь закричал, тонки ноги, и так из приемной выслали...» (цитируется по первоизданию, преимущественно с сохранением авторской орфографии. Пусть простит нам читатель обширные цитаты, но так хочется донести до него неповторимый стиль и аромат того времени!)

В 1766 году был издан документ, определявший порядок комплектования армии. Назывался он «Генеральное учреждение. О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приёме, так и в отдаче не истинною поступать будет». Параграф 8 гласил: «Принимать в рекруты из положенных в подушной оклад дворовых людей и крестьян и детей их здоровых, крепких и к военной службе годных, от семнадцати до тридцати пяти лет, ростом [ежели кто больше не поставит] в два аршина в четыре вершка без обуви, а ниже оной меры и старее тридцати пяти,

напротив же того и моложе семнадцати лет, отнюдь не принимать».

Два аршина четыре вершка равняются примерно 160 см. Вот до этих цифр наш худосочный герой и не дорос. «Съедуги», однако, легко вышли из положения: «По утру поране вчерашнего представлен был опять Сысой Дурносопов в приемную комнату; на темя его положено было несколько угломонной монеты (взятка. — Прим. авт.)», а «к обеим же ногам привязано было по ассигнации, чем Сысой пришел в указанную меру и за одну ночь икры потолстели...»

Государственные ассигнации впервые выпущены в 1769 году одновременно с учреждением двух «променных» банков: в Санкт-Петербурге и Москве. Необходимость денежной реформы объяснялась в манифесте от 29 декабря 1768 года следующим образом: «Во-первых, удостоверились Мы, что тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее же и обращение; во-вторых, что дальний перевоз всякой монеты многим неудобствам подвержен, и, наконец, третье, увидели Мы, что великий есть недостаток в том, что нет еще в России, по примеру разных европейских областей, таких учрежденных мест, которые бы чинили надлежащие денег обороты и переводили бы всюду частных людей капиталы без малейшего затруднения и согласно с пользою каждого». Но это официальная версия, декларация. В действительности новшество было вызвано дефицитом бюджета, значительно возросшим из-за войны с Турцией (подробнее о законотворчестве Екатерины II см. «Наука и жизнь» № 3, 2003 г.).

Печатались ассигнации чёрной краской в один прогон на белой бумаге с тиснением и «внутренними прописями» (водяными знаками), всего четырёх номиналов: 25, 50, 75 и 100 рублей. Пяти- и десятирублёвые бумажки появились только в 1786 году. Получается, за Сысою дали минимум 50 рублей ассигнацией. Сумма для того времени изрядная!

«...сие действие, — продолжает Чулков, — происходит в бывших провинциальных канцеляриях». Провинциальные канцелярии, осуществлявшие общее управление и суд на территории провинциального города и его уезда, были созданы при Петре I в ходе провинциальной реформы 1719 года в

Н. В. Неврев. «Возвращение солдата на родину». 1869 год.

городах — центрах провинций, упразднены в ходе губернской реформы 1775 года.

Таким образом, можно считать, что временные рамки начала действия нами установлены: 1769—1775 годы.

Идём дальше.

«Армия наша находилась тогда за границею... Сысой, обучившись артикулу, был на трех приступах изрядным солдатом, с похвалою от командующих; но на последнем из тех сражений потерял правую руку, так что действовать оною нисколько не мог;

«Генеральное учреждение...» — документ, регулировавший порядок рекрутского набора в русскую армию, датирован «сентября 29 дня 1766 года».

для чего в скором времени получил чистую отставку...»

Екатерина Великая вела активную внешнюю политику, направленную на расширение территории Российской империи и укрепление её позиций. Принимая вышеуказанные временные рамки, можно предположить, что Сысой участвовал, скорее всего, в Русско-турецкой войне (1768—1774). При этом вряд ли он прослужил долго: учитывая возраст брата и сестры (напомним, что в момент гибели первому — 4 года, второй — 3 месяца), сомнительно, что родители Сысои успели состариться в его отсутствие.

До 1793 года срок службы был пожизненным (позднее — 25 лет). Если по болезни или ранению солдат не мог продолжать службу, ему давали «чистую» отставку, то есть отпускали домой, и он больше не подлежал воинскому призыву. Понятно, что, потеряв руку, Сысой получил именно «чистую» отставку.

С этого, собственно, и начинается детективный сюжет.

«При рассветании зимнего дня, в день Рождества Христова, во время заутреннего пения, пришел он к своему приходу и наряду с прочими вошел в церкву помолиться, где уповал увидеть отца своего и мать; но как оных не было тогда в церкве, то на вопрос его ответствовали ему родственники его, что они ввечеру обоих их видели, а для чего их в такой великой праздник нет у заутрени, того они не ведают.

По окончании пения Сысой и многие из его родственников пошли в дом его отца и, стучавшись под окнами и в ворота, не могли никого вызвать, кто бы им отпер, пошли к старосте; пригласив его и других крестьян попочтеннее, разломали ворота и, вошед на двор с зажженною лучиною, увидели следующее по порядку...»

Далее следует детальное описание места преступления, по жуту не уступавшего «Убийствам на улице Морг» Э. А. По.

«Перед крыльцом висел баран, до половины освежеванный, подле которого на перилах у спуска крылечного лежал окровавленный нож; посередине двора висел в петле прицепленной к перекладу удавленной хозяйки; изба была отворена, в которой по полу разбросаны были дрова, немного обгорелые; по середине полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была топором, который и лежал подле ее окровавленный; за занавескою в повешенной колыбели лежала зарезанная по горлу девочка месяцев трех, спеленанная, а подле ее окровавленный нож; в печи нашли мальчика лет четырех, мертвого, у коего волосы на голове все согтели и местами от жару истрескалось тело; в переднем углу на

лавке лежала хорошая одежда хозяинова, а на столе праздничная хозяйкина, принесенные из клети, как то обыкновенно у крестьян бывает».

Таковы обстоятельства дела, которое предстояло расследовать.

Высказывались различные версии:

«Случай, не токмо деревенским, но многим и городским жителям непонятный, начали крестьяне и крестьянки толковать различным образом, сельским умом и деревенскими рассуждениями, без правил, свободными науками установленных: один говорил, что сделали то разбойники, но платья унести не успели; другой основательнее рассуждал, что рассердился домовый и так поступил с ними, как должно неприязненной силе, и прочая; старухи верили больше последнему, творили молитву и спрашивали у стариков, не грех ли к убитым прикасаться? А поразумнее головы, призвав дьячка и сотского, написали рапорт со всеми найденными обстоятельствами и послали в город».

Справедливости ради надо признать, что сей кровавый случай выглядел чрезвычайно непонятным ещё и по той причине, что автор позаимствовал сюжет из античной литературы, а именно из «Пёстрых рассказов» римлянина Клавдия Элиана, писавшего на греческом (конец II — начало III в. н.э.). Но Чулков настолько искусно сумел «пересадить» его в родную почву, что у читателя не возникает ни малейшего подозрения в его чужеродности. Тех читателей, которым захочется сравнить «Горькую участь» с источником, отошлём ко второму рассказу XIII книги «Пёстрых рассказов» (всего книг четырнадцать). Самое главное для читателя — насколько автор сумел вписать почти фантастический сюжет в контекст этого времени, насколько убедительно ведётся расследование.

В описываемое Чулковым время официальным следствием по уголовным делам занимались либо располагавшие до 1775 года судебными полномочиями губернские и воеводские канцелярии, либо (до начала 1780-х годов) Главная полицмейстерская канцелярия и подчинённые ей территориальные полицмейстерские канцелярии, либо временные следственные комиссии. Последние создавались для расследования конкретных дел, преимущественно по обвинениям должностных лиц. При этом предварительное расследование не отделялось от судебного разбирательства (Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. — М., 2009).

Вот как, к примеру, разбиралось дело «вдовы Марьи Ивановой дочери тайного

советника Даниловой жены Ефремова в битве ею крепостной своей девки Акулины Осиповой, которая после того вскоре умре» (случилось это 7—8 мая 1766 года на Дону). Сначала было подано «объявление» атаману Войска Донского, а от него в Главную полицию (то есть Главную полицмейстерскую канцелярию). Произведено следствие с допросом обвиняемой и свидетелей, при этом обвиняемая утверждала, что погибшая умерла не от побоев, а отравилась, в доказательство чего предъявила «скляночку» с «ядовитым зельем», которое было исследовано Медицинской канцелярией. Заключение Медицинской канцелярии гласило: «То, называемое ею, Ефремовой, ядовитым зелием, явилось [в своём] составе [мазью] употребляемой к белинию лица, и, кроме ртути и марказита (по Далю, «железный (серный) колчедан». — Прим. авт.), ядовитого ничего не найдено».

В подобных случаях «Артикул воинский» (1714, 1716 — в составе «Устава воинского»), являвшийся сводом уголовных законов Петра I и в известной мере сохранявший силу ещё во времена Екатерины II, предписывал: «...надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась...», а потому «...зело потребно есть, чтоб, сколь скоро кто умрет, который... бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое изрезали и подлинно розыскали, что какая причина к смерти ево была...» (глава 19 «О смертном убийстве», артикул (статья) 154). В соответствии с этим тело убитой осмотрел штаб-лекарь Главной полицмейстерской канцелярии, а также было произведено анатомическое вскрытие в конторе С.-Петербургского госпиталя. Заключение: «По вскрытии той девки тела внутри члены оказались здоровы и от мышьяка в животе ничего не найдено».

Помимо Главной полицмейстерской канцелярии дело рассматривала С.-Петербургская розыскная экспедиция и С.-Петербургская губернская канцелярия. Наконец, в связи с высоким положением обвиняемой случай рассматривался в Правительствующем Сенате, а приговор подлежал утверждению самой императрицей (Грибовский В. М. Матерьялы для истории Высшего суда и надзора в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. — С.-Петербург, 1901. — С. 155—157).

Но это Высший суд. А вот что происходило в деревне Сысоля:

«В рассуждении столь великого праздника все судьи и секретари из города были отсутственны и находились по деревням

Ассигнация достоинством 25 рублей, 1769 год. Внешне отличалась лишь номиналом от 75-рублёвой, поэтому вскоре фальшивомонетчики принялись перделывать ассигнации меньшего достоинства на большие, в связи с чем последние изъязли из обращения и публично уничтожили.

окольных дворян; а дневальные приказные служители от принятия рапорта отозвались. Таким образом, через шесть недель принят был сей рапорт в учрежденном на то суде, и дана резолюция ехать одному из членов и осмотреть на месте; но как тела убитых были уже похоронены, то и посланной для осмотра член рапортовал таким образом: «По осмотру его и по обыску оказалось, что крестьянин, напившись в праздник пьян, порубил свою семью и сам, упав с крыльца, ушибся»; а подавая сей рапорт, примолвил: «Крестьяне де государственные, то вдаль

В 1786 году появились ассигнации номиналом 5 и 10 рублей. Для удобства различения их печатали на бумаге разного цвета: пятирублёвые — на синей, десятирублёвые — на красной. Отсюда выражения «синенькая», «красенькая», которые имели хождение до 1990-х годов.

следствия быть не может». Почему данную «резюмирую» и велено: «С прописанием того рапорта отрапортовать верхнему присутственному месту, а дело, исключая из реестра нерешенных дел, числить решенным к отдале в Архив».

Таким манером удивительное сие в природе приключение в присутственном месте вовсе кончано на общем основании о делах затруднительных, требующих судейского ума и проникновения; но непросвещение и недосуги судейские без исследования погребают во тьме неведения и важнейшие сего».

Вот и весь суд!

Однако автор за неимением поблизости гениального частного сыщика вводит в действие новых героев.

«Но когда дошел о том слух до людей ученых того времени, то они, уважив таковой непроницаемый случай, решились его исследовать, сколько возможность им дозволить могла, и по довольном изыскании гадательно заключили так. Четырехлетний младенец, находясь в крепком сне и встревожен будучи сонным привидением (то есть сновидением. — Прим. авт.), встал со своего места, взял нож, с которым нередко у баловниц-матерей и отцов ребята, играя ими, засыпают, и согласно с сонным привидением зарезал младенца, свою сестру, в колыбели; а опомнившись и узнав, что сделал он худо, спрятался в печь. Хозяин и хозяйка, проснувшись ранее обыкновенного для праздника, чтобы, заранее убравшись в доме, поспеть им в церкву, заготовили, во-первых, праздничное свое платье, потом хозяин пошел свежевать барана, а хозяйка принялась топить печь, не осмотрев своих детей, потому что спят они, как она думала и слышала, спокойно; поклав дрова, затопила. Несмысленный мальчик не смел в печи поворочнуться от страху; но как огонь уже усилился, дрова сухие обыкновенно вдруг занялись и жар несносной до него коснулся, тогда он закричал; хозяйка, бросаясь к постели, его не увидела, то и уразумела, что он в печи; закричала мужу, а сама начала хватать дрова из печи и метать их по полу; мальчик тем временем задохнулся, а крестьянин вбежал в избу с обыкновенным и всегдашним своим оружием, то есть топором, который он заготовил, может быть, к разнятию барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла в печи сына, будучи в торопливости и страхе, а от того и в запальчивости, ударил безрассудно и неосторожно жену свою в голову, от чего и лишилась она жизни. Крестьянин, пришед в жалость и оторопев, не знал, что ему делать, видя двух мертвых перед собою, а заглянув в люльку, нашёл и третьего. Отчаяние поразило малосмысленного человека,

которое бы просвещенного и великодушного не меньше поколебало; сверх сего обуял его страх стыда и совести, а потом жестокость наказания за толикое беззаконие, кое он все неотменно принужден был относить к своей стороне, лишила его рассудка, и так, страх, жалость и отчаяние принудили его удавиться. Таким образом рассуждали с сожалением ученые того времени люди, которое их рассуждение многими тогда признано за справедливое: ибо инаково решить удивительного сего в природе приключения все недомывали».

Итак, загадка решена. Современный читатель может испытать известное разочарование. «Как, и это всё?! — совершенно справедливо воскликнет он. — А где же интрига? Где напряжённая логическая работа ума? Где, наконец, центральная фигура любого мало-мальски приличного детектива — собственно сам сыщик?!»

Приходится признать, ничего этого в «Горькой участи» нет. Или, если уж быть до конца справедливыми, всё это в рассказе присутствует, но — в зачаточном, латентном виде. Однако не будем слишком строги к автору, жившему как-никак за двести с лишком лет до нас. Это уж потом, во второй половине XIX века, с лёгкой руки Уилки Коллинза, Эмиля Габорио и других западных авторов, которых весьма быстро перевели и издали в России, расцветёт буйным цветом детективный жанр. Уж там-то будет всё: и логические построения, и погони со стрельбой. Появится и углублённый психологизм, вплоть до погружения в глубины подсознания убийцы в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского.

И всё же, каковы бы ни были «недочёты» «Горькой участи», в рассказе наличествует главное, то, что лежит в самой основе любой детективной истории, — вера в силу логики. В этом как нельзя лучше проявляется станова идея классицизма: разум — вот мерило всего, рационализм — не в бытовом плане, не в смысле чрезмерно рассудочного отношения к жизни, а в плане философском, мировоззренческом, — берёт верх над мистицизмом (суеверием).

И хотя заканчивается рассказ, в полном соответствии с названием, на минорной ноте («несчастный воин, похоронив всю свою семью и употребив остаток именина на погребение их, остался... без скота и хлеба... и без правой руки своей...»), у читателя не остаётся тягостного впечатления. Как и положено в настоящем детективе, всё тайное становится явным, туман суеверных домыслов рассеян, *ratio* торжествует.